Отзыв

на хабилитационную работу Кветославы Копоровой «Фонетика, фонологія і акцентологія русиньского яыка» (Пряшів, 2015)

Современная русинистика в Словакии переживает период расцвета. После падения диктаторских режимов в Центральной Европе в конце 80- начале 90-ых гг. прошлого века русины наконец получили возможность реализовать свои законные права на полноценное развитие культуры и науки. Именно на волне революционных преобразований в обществе возник в Пряшеве научный и образовательный центр – сегодня Институт русинского языка и культуры. Именно на его базе сегодня не только готовят учителей русинского языка и литературы, но функционирует и аспирантура и возможность написания научных диссертаций.

Вузовская преподавательская практика вызвала к жизни необходимость создания учебников для подготовки специалистов. Одним из таких учебников и является работа Кветославы Копоровой. Фонетика и фонология занимают весьма важное место в системе подготовки студентов. Именно они, как правило, являются теми научными дисциплинами, с которых начинается вузовская подготовка. Именно на этом уровне начинающие лингвисты убеждаются в системном характере языка. Строгие закономерности функционирования языка на фонетическом уровне, изучаемые в самом начале пути будущих преподавателей и научных работников, помогают становлению будущих специалистов. Относительная незначительность языковых единиц (набор звуков речи, фонем), относительно ограниченный круг закономерностей их взаимодействия в речи (языке) помогают становлению творчески мыслящих специалистов.

Становление науки о русинском литературном языке (в данном случае в Словакии) происходит значительно позже, чем это случилось с другими славянскими языками, в частности, со словацким, на фоне которого, прежде всего, и происходит исследование особенностей русинского языка. Отсутствие полноценных учебников в абсолютно новой сфере славистики, вызов перед русинской общественностью, на который попытались ответить в Пряшевском университете. Именно здесь местные русинисты, начиная с подготовки и завершения кодификации словацкого варианта (первым вариантом был опыт войводинских русин в составе экс-Югославии еще в первой четверти прошлого

века, параллельно идет этот процесс, правда, с разным успехом, у польских, венгерских и украинских представителей этого народа) русинского литературного языка в 1995 году, и до наших дней работают над тем, чтобы русинистика стала вровень со словакистикой, богемистикой, полонистикой и т.д. Задача, с одной стороны, архисложная, быть первыми в деле научных исследований всегда нелегко. С другой стороны, достижения тех же лингвистов в области исследования словацкого, украинского и других славянских литературных языков, позволяют современным русинистам учесть все достижения и негативный опыт коллег.

Работа К. Копоровой написана, во многом, как раз исходя из всего предыдущего опыта славистов. Структура учебника фонетики, фонологии и акцентологии также во многом напоминает подобные учебники словацкого, украинского и других »больших« славянских языков. После представления наиболее общих понятий о фонетике, единицах ее исследования, предмете и уровнях исследования (I. раздел учебника, сс. 8-13), весьма кратко представлены сведения по фонологии: »Основны понятя о фонології« (здесь и далее все материалы из рецензируемой работы даны по-русински, на языке оригинала) и »Понятя фонемы« (II. раздел, сс. 14-19). Третий раздел »Інвентарь фонем в русиньскім языку« состоит из двух подразделов – »Діштінктівны знакы фонем« (20-21) и »Фонетічна транскріпція« (21-24). Вполне в духе традиционного описания фонетики в других славянских литературных языках содержание 4 (сс. 25-33) и 5 (сс. 34-39) разделов, где рассматривается классификация гласных и согласных звуков в русинском языке. Значительное место в учебнике занимает описание ассимиляционных явлений в русинском языке и чередований звуков (разделы 6 и 7: »Невтралізація« (40-49) и »Алтернація« (50-59). Завершает описание фонетики и фонологии 8 раздел »Супрасеґменталны явы« (сс. 60-65), где особый акцент сделан автором на характеристике ударения в русинском языке, и список использованной литературы (сс. 66-67).

Вторая часть учебника посвящена весьма актуальным для практической деятельности учителей, актеров и других носителей литературного языка нормам русинской орфоэпии (»З основных прінципів русиньской орфоепії« (сс. 69-112).

В конце каждого из разделов учащимся адресован ряд вопросов, на которые они, по-видимому, должны ответить, закрепив таким образом материалы лекций.

С учетом того, что русинский литературный язык находится на раннем этапе своего функционирования в целом и преподавания его языковых норм для

студентов, учитывая то, что за первым изданием учебника последуют в будущем следующие, позволим себе несколько самых общих замечений и предложений по его содержанию.

На наш взгляд, требует дополнения раздел фонологии. Лучшему усвоению и пониманию природы русинского языка учащимися, поможет введение понятия сильной и слабой позиции, гиперфонемы, так называемых правил Трубецкого и т.д.. Нам представляется, следует более отчетливо провести сравнение понятий звука и фонемы, указав, в частности, что фонема явление социальное, в отличие от звука, явления индивидуального. Фонема – языковая единица, звук – единица речи. Фонема – абстрактная, звук – конкретная единица и т. д. Также следует в учебнике представить наряду с фонетической фонематическую транскрипцию, которая поможет в практическом освоении раздела курса фонетики и фонологии.

Автор учебника справедливо обращает внимание, например, на наличие в русинском литературном языке звука «ы», которого нет у других восточнославянских языках. Весьма важным фонетическим явлением, характерным практически для всех русинских диалектов, включая и наибольшие в современной Закарпатской области Украины, на который обращает внимание и учебник К. Копоровой, является большее, чем в соседних и родственных языках, влияние мягких согласных на характер предшествующих гласных звуков (например, в слове «днесь» и т. п. гласный «е» претерпевает значительные изменения и звучит ближе к звуку «и»). Вызывает, на наш взгляд, интерес и фонетическое явление в русинских диалектах, когда гласные в слове влияют друг на друга, напоминая т. н. сингармонию гласных в некоторых неиндоевропейских языках, и получивших в научной литературе термин «дистантная ассимиляция», например «виджу», но «відіті», «сидит'», но «с'ідіті»! и т. п. Впрочем, в современной русинистике вслед за исследованиями В. Латты, В. Ябура и других имеется еще весьма значительное поле для дальнейших научных исследований, и, хочется надеяться, эти исследования найдут свое место уже в следующих учебниках фонетики «молодого» в кругу других славянских – русинского языка (вариантов русинского литературного языка).

В учебнике весьма подробно описываются процессы ассимиляции согласных звуков в русинских диалектах. Возникает даже вопрос целесообразности такого подробного описания этих явлений в учебнике русинского литературного языка. Ведь, на наш взгляд, не всегда какие-то локальные фонетические явления следует нормировать в качестве общелитературных. Вызывает, в частности, сомнение представлять озвончение глухих согласных перед гласными и сонорными звуками (с. 44), произношение «н» и «н'» перед заднеязычными и шипящими (с. 83), например, в качестве

общелитературной нормы, поскольку они не характерны для более-менее широкого круга русинских диалектов.

Русинский литературный язык в силу неблагоприятных условий второй половины XX столетия переживает, фактически, этап становления. Поэтому дублирование в тексте учебника латинских (и не только!) терминов (типа «бронхы (продушкы); трахеа (продушніця); условія (подмінкы); назална (носова); орална (устна, ротова)» и т.п. не следует удивлять, и более того, на данном этапе развития русинистики, такой подход следует признать вполне допустимым. Ясно, что учебник написан прежде всего для использования в кругу словацкоговорящих студентов. Отсюда частые отсылки к языку, которым, зачастую, студенты владеют увереннее (последнее касается даже студентов русинской национальности, поскольку они заканчивают словацкие школы). Однако, нам представляется, в силу сложившейся ситуации, когда именно Пряшевский университет готовит кадры не только для Словакии (например, значительную часть студентов уже сегодня составляют выпускники украинских школ), следует в большей мере стремиться к «общерусинскому» характеру преподавания, в том числе описании фонетики литературного языка. Следует не только привлекать материалы из других русинских диалектов, но и стремиться избегать значительного словацкого влияния (что естественно в словацком окружении) на литературный язык русин Словакии. Представляется, что, например, словакизмы «патрить» (с. 13), «баданя» (с. 19) в русинском учебнике следует заменить «общерусинскими», тем более, что в самом словацком варианте литературного языка можно найти такие синонимы к этим словам.

Безусловно, наиболее заметными и недопустимыми для текста учебника являются описки и небрежность при его оформлении. Эти прежде всего технические ошибки легко исправить при переиздании учебника.

Так, например, одним знаком «'» (встречается и «’», такое дублирование также не желательно) при транскрибировании указываются мягкие согласные и ударные гласные, что приводит к определенным трудностям для учащихся при восприятии такого транскрибированного текста. Этого следует избегать. В целом, оформление транскрибированных текстов в учебнике нуждается в более качественном оформлении. Не указывается, например, мягкость согласного «ч'». Понятно, мягкость – постоянный признак этого звука в русинском языке, но тогда, как минимум, следует сделать оговорку в подразделе, где собраны правила транскрибирования. На 23 странице справедливо замечая, что «щ» может звучать как «ш'ч'» (здесь, кстати, мягкость «ч» в транскрипции не обозначается!) или как долгий мягкий «ш'», при транскрипции долгота не указывается (јаш'урка) или же в другом слове представлено «ш'ш'» (кл'іш'ш'і).

Также, на наш взгляд, знак «ц'ц'» и подобные случаи корректнее передавать с использованием знака долготы («:»), в данном случае – «ц':», а не «ц'ц:» (как на с. 91). Там же в примере «хлопец'ц:уркнуў», не указано трансформацию звука «е» перед мягким «ц'» и его реализацию в форме алофона «ê».

В дальнейшем укажем опечатки в такой последовательности: номер страницы, слово с ошибочным написанием и в скобках правильное написание: с. 8. – реалтівно (релатівно); с. 16. – позорость (позорность); с. 20. – дішнтінктівный (діштінктівный); с. 22. – інтерпунчны (інтерпункчны); [ту'н'і] (['тун'і]?); с. 25. – артікулачноо (артікулачного); класіфікакуєме (класіфікуєме); с. 35. – замкунуто-проходны (замкнуто-проходны); с. 37. – твор-їня (тво-рїня) (на наш взгляд, в учебнике следует придерживаться классических представлений о правилах переноса); с. 38. – задопіднебны (заднёпіднебны); с. 39. – в 5 вопросе для студентов отсутствует предлог «в»; с. 40. – діштінтівну (діштінктівну); с. 42. – якымесь (якымсь); с. 60 – напшеш (напишеш); с. 62 – выходій (выходній); с. 91. – яз (як); [комус'с:тілиў] ([комус':тˈр'ілиў]).

Несмотря на те замечания, которые высловлены нами выше, в целом следует всячески поддержать автора учебника и признать его пионерскую работу в настоящей отрасли знаний весьма успешной и полезной при подготовке университетских специалистов-русинистов.

Др. Михаил Капраль, профессор, директор Русинского научно-исследовательского института имени Антония Ходинки (Будапешт).